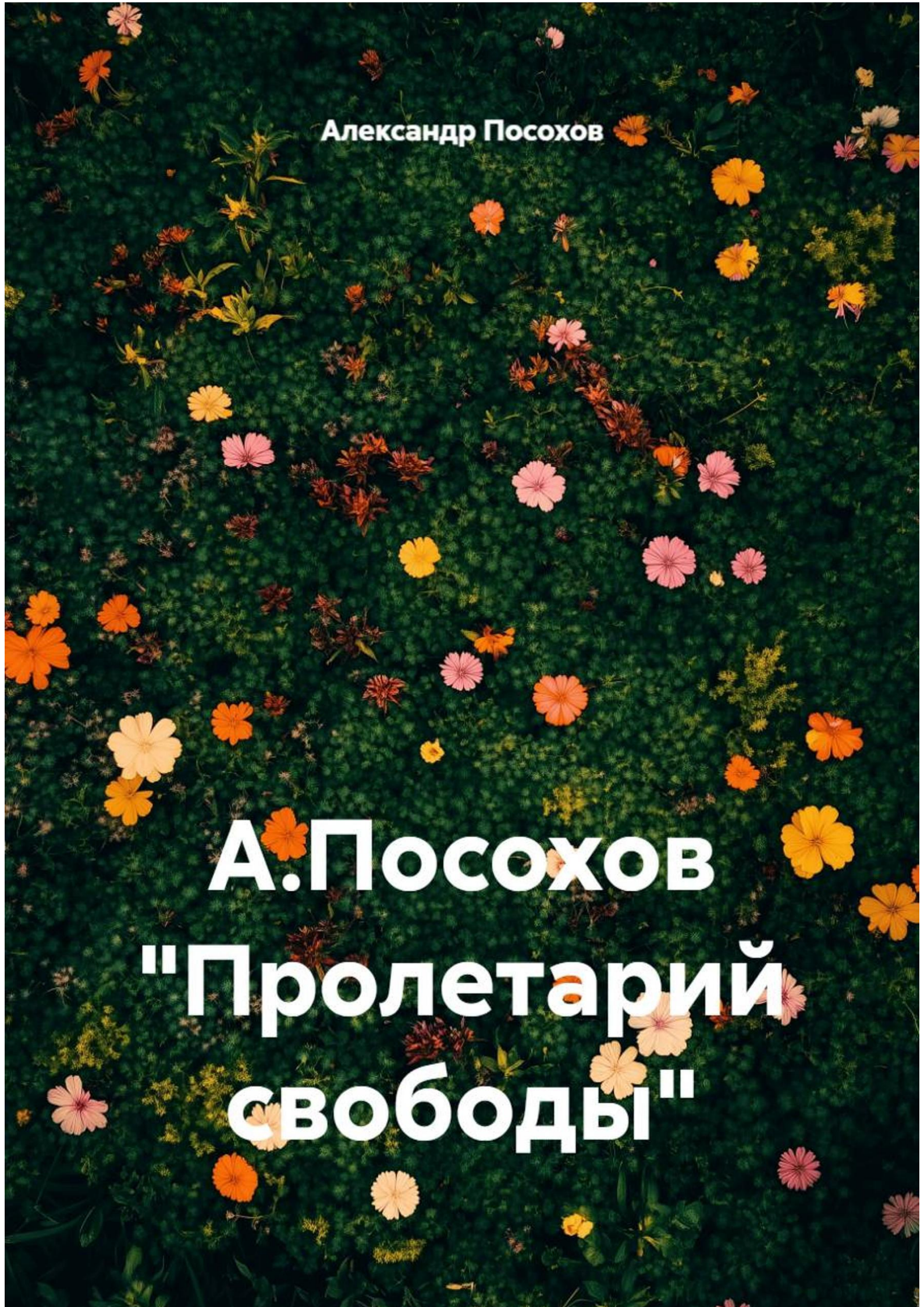
Александр Посохов
А.Посохов
"Пролетарий свободы"

Александр Посохов

А.Посохов "Пролетарий свободы"

«Автор»
2026

Посохов А.

А.Посохов "Пролетарий свободы" / А. Посохов — «Автор», 2026

Главный герой повести Александр Панкратов, сын расстрелянного вора в законе, относится к тем людям, на судьбу которых решающим образом повлияли судьбы родителей и страны в целом. Но и сам он, обладая беспокойным характером, критическим складом ума, сильной волей, лидерским потенциалом и прочими свойствами незаурядной личности, во многом определил то, как сложился его жизненный путь. При этом, несмотря ни на какие испытания, ему удалось выжить и сохранить достоинство.

© Посохов А., 2026
© Автор, 2026

Александр Посохов
А.Посохов "Пролетарий свободы"

Александр Посохов

Пролетарий свободы
(повесть)

М о с к в а
2026

Глава 1.
Середина шестидесятых

Поздняя осень, пасмурно, дождь. Строительство нового жилого района на окраине Свердловска. Рядом с возводимыми домами передвижные вагончики строителей. На одном из них трафаретная надпись: «Уралэлектромонтаж. Бригадир Сергей Загвозкин» и номер телефона.

– Ладно, обед кончился, пошли, – командует Загвозкин, широкоплечий, сутулый мужчина лет тридцати пяти.

– Ну дай ещё немного подрыхнуть, – зевая и потягиваясь на куче проводов, жалобно вздыхает очень худой на вид парень.

– Вставай, Дух, – требует бригадир. – Ты и так всю смену ничего не делаешь.

– Ну не все же такие мордовороты, как ты.

– Только и знаешь стонать да нукать, – ворчит и одновременно улыбается Загвозкин. – Как пить, так ты здоров, а как пахать или в армию идти, так у тебя сил нет.

– Ну чё ты мне всё про эту армию талдычишь, – с раздражением оправдывается Дух. – Не сил у меня нету, а веса, понял. Пока отсрочка. Но всё равно сказали, заберут.

– Совести у тебя нет, – уточняет Загвозкин. – Ты, наверно, и кличку сам себе такую придумал, чтобы не работать. Дух он и есть дух, чего с него взять.

– Да причём здесь это, – продолжает оправдываться Дух. – Говорю тебе, здоровья у меня нету, устаю быстро.

– А практикант вон не устаёт, – кивает в сторону Панкратова бригадир. – Пацан ещё совсем, а пашет, как надо. Хотя мог бы и сачкануть втихаря, он же тут временно, до весны только. А ты вроде как форменный рабочий и ничего не можешь. Кабель протащить не можешь, дюбель забить не можешь, кувалду поднять не можешь. Правда, пацана этого с кувалдой я тоже ещё не видел. И у него, поди, силёнок маловато.

– Ты это серьёзно? – уже на выходе из вагончика, пропустив вперёд других рабочих, спрашивает Панкратов.

– Да ладно, не заводись, – обращается к нему Загвозкин. – Пошутил я, чтобы Духа пристыдить. Только пользы от этого никакой.

– А то попробуем, – предлагает Панкратов. – Ты же и меня задел зачем-то.

– Чего попробуем? – спрашивает Загвозкин.

– Насчет силёнок.

– Например?

– Ты же сказал, что с кувалдой меня не видел. Давай тогда посмотрим, кто больше дыр сделает.

– Во, даёт! – ехидно восклицает Дух. – Совсем оборзел салага.

– За салагу ответишь, – обещает ему Панкратов.

– Да не тронь ты его, – вмешивается Загвозкин. – И вообще никого не трогай. А то, я слышал, тебя тут побаиваются уже.

– А чего меня бояться. Людей я не трогаю.

– А ты сам-то человек? – спрашивает Дух.

– Человек, а ты гнида, – отвечает Панкратов. – Таких, как ты, давить надо. И чем больше, тем лучше.

– Опять сцепились, – говорит Загвозкин. – Пойдём лучше дыры бить.

– Так мы будем соревноваться или нет? – пристаёт Панкратов.

– Будем, конечно, если ты такой настырный. А с какого ты года, между прочим? – интересуется бригадир.

– С пятидесятого, – отвечает Панкратов.

– У-у, так тебя же на тяжёлую работу ставить ещё нельзя, – качает головой Загвозкин. – Но, извини, ты сам напросился. Давай так. Ты ведь до четырёх работаешь. И в субботу не работаешь. Вот до четырёх, кто больше дыр сделает, тот и победил. Если победишь, в понедельник можешь не выходить, отдыхай. Чуть чего, мастеру своему из училища скажешь, я разрешил.

– Всё, договорились, – соглашается Панкратов. – Кого на крюк дашь?

– А вот с Духом и иди, – решает Загвозкин. – Больше меня всё равно не сделаешь. Зато его погоняешь, если получится.

– Да куда он денется, – говорит Панкратов.

Квартира в строящемся доме. Две стремянки. Стоя на одной из них, Дух держит длинный металлический крюк острым концом зубила к поверхности потолка. Напротив, на другой стремянке, как бы оседлав её, стоит Панкратов. В руках у него увесистая кувалда. Видно, что он изготовился к удару. Отверстия в межэтажных перекрытиях необходимы, чтобы смонтировать скрытую электропроводку. Для того, кто с кувалдой, работа очень тяжелая, требующая большой физической силы и выносливости. Замах кувалдой делается из-под ног, снизу вверх, при резком разгибании спины. С одного удара бетонная панель пробивается редко. Для этого надо правильно выставить крюк, точно под внутренней полостью в панели, очень сильно ударить и попасть прямо в зубило. Промахи, как правило, приводят к повреждению деревянной рукоятки кувалды, потому что часто при этом именно рукоятка, а не сам боёк, попадает в зубило. На потолке почти в каждом отдельном помещении пробивается как минимум два отверстия, у стены для ввода провода и где-то посередине для вывода его к светильнику.

Панкратов бьёт кувалдой по крюку, ещё бьёт… Закончив в этой квартире, Панкратов и Дух перетаскивают стремянки, крюк, кувалду в другую квартиру. И снова замахи, удары… Затем на другой этаж. Видно, что Дух устал, передвигается и залазит на стремянку медленно, крюк в руках у него вихляется, зубило перед ударом в одном положении он не фиксирует.

– Держи ровнее! – смахивая пот со лба, требует Панкратов.

– Руки затекли, – жалуется Дух. – Давай перекурим.

– А я сказал, держи!

Панкратов бьёт и промахивается – перед самым ударом Дух чуть качнул крюк в сторону. Панкратов попадает по зубилу не металлической частью кувалды, а рукояткой.

– Ещё пару раз так смажешь, – говорит Дух. – И молоточек накроется.

Панкратов продолжает наносить удары… Следующий этаж, другая квартира. В очередной раз крюк в руках у Духа перед ударом сдвинулся в сторону, и рукоятка кувалды после удара расщепилась так, что тяжёлый боёк просто отвалился.

– Хана! – с облегчением выдыхает Дух.

– Беги за другой, – приказывает Панкратов.

Но Дух не реагирует.

– Глухой, что ли?

– Ну, чё упираться-то, – возражает Дух. – Посмотри на часы, пятнадцать минут осталось.

– Беги, говорю, за кувалдой, – зло повторяет Панкратов.

– А я говорю, пора сматываться, – успевает произнести Дух.

После этих слов Панкратов резко пинает стремянку, на которой стоит Дух. Дух валится на пол. Панкратов спрыгивает со своей стремянки и заносит ногу над головой лежащего на полу Духа.

– А я раздавлю тебя!

В этот момент с нижнего этажа раздаётся голос Загвозкина.

– Ну, где вы там, орлы?

– Мы здесь, здесь, – громко вопит Дух.

Панкратов оставляет Духа в покое и выходит навстречу Загвозкину, который поднимается на этаж, откуда послышался голос Духа.

– Почему раньше? – спрашивает Панкратов.

– Ладно, хватит, – говорит бригадир. – Я и так сорок штук надолбал, руки отваливаются. Сегодня раньше смену заканчиваем.

– А я сорок две.

– Не свисти, не верю.

– Тогда сам считай, – предлагает Панкратов.

Загвозкин проходит в квартиру и спрашивает:

– А Дух-то куда делся?

– В другой комнате отдыхает.

Загвозкин заглядывает за стенку и подходит к лежащему на полу Духу.

– Сдох, что ли? – спрашивает Загвозкин.

– Живой пока, – вставая, отвечает Дух. – Но, если б не ты, не знаю.

– Что, попало?

– Да он же в натуре бешеный какой-то, на глазах звереет, – с опаской поглядывая на Панкратова, жалуется Дух.

– А с тобою по-другому нельзя, – говорит Загвозкин. – Ты же лодырь, каких свет не видел. И слова на тебя не действуют. Правда, что ли, сорок две дырки пробили?

– А хрен его знает, я не считал, – равнодушно отвечает Дух. – Мне это надо?

– Ладно, сам посмотрю, – говорит Загвозкин. – Пошли отсюда.

Тот же строительный вагончик. Входят Загвозкин, за ним Панкратов и Дух.

– Да, пацан, – говорит Загвозкин Панкратову. – Хребет у тебя крепкий. В понедельник можешь отдыхать, как договорились.

– Он что, один вкалывал? – возмущается Дух.

– С тобой, Дух, с тобой, – уточняет бригадир. – Ты тоже молодец. Поэтому сгоняй-ка за горючим. Такой случай обмыть надо. Пэтэушник, малолетка, самого Загвозкина уделал. Вот тебе червонец, возьми пару пузырей.

Вся бригада в вагончике. Все сидят за столом. У кого в руках алюминиевая кружка, у кого стеклянная банка. На столе хлеб, колбаса, лук, консервы.

Загвозкин держит бутылку водки и обращается к Панкратову:

– Будешь?

– Немного можно, – отвечает Панкратов.

Загвозкин подставляет Панкратову гранёный стакан и заполняет его наполовину.

– Единственный стакан у нас, так сказать, для торжественных случаев. Сегодня, выходит, для победителя, – объясняет Загвозкин и спрашивает. – У всех налито? Тогда давайте за Панкратова Александра, не знаю как тебя по батюшке?

– Сергеевича, – заканчивает предложение бригадира Панкратов. – Отца, как тебя, звали.

– А почему звали?

– Умер давно.

– Болел, что ли?

– Да вроде того, – уклончиво отвечает Панкратов.

– Ну ладно. Не хочешь говорить, не надо. Короче, за Панкрата! – снова предлагает Загвозкин. – Так ведь тебя называют, я слышал?

– Так, – отвечает Панкратов. – Но дело не в этом. Бригадир

наверняка не старался или наврал, что у него всего столько дырок. Выпейте лучше просто за меня.

– А как это я мог соврать? – недоумевает Загвозкин. – Я ведь раньше тебя свой результат объявил.

– Говорю, борзый нашёлся, – криво усмехаясь, перебивает бригадира Дух. – Хочет, чтобы мы просто так за него пили.

– А у меня сегодня день рождения, – признаётся Панкратов.

– Ну, ты даёшь! – удивляется Загвозкин. – Подарок, значит, себе сделал. Ладно, тогда вначале пьём за твои шестнадцать лет, если я правильно подсчитал, а потом уже за твою победу. Работяга из тебя классный получится.

Глава 2.
Начало шестидесятых

Панкратову лет двенадцать. Живёт он с матерью в двухэтажном доме довоенной постройки вблизи крупного завода с постоянно дымящими трубами. Квартира Панкратовых – две небольшие комнаты и тесная кухонька на первом этаже. В одной из комнат на стене висит семиструнная гитара.

Панкратов держит голубей. У него своя голубятня на сарае, которую он соорудил сам, как смог, поддавшись очень распространённому тогда увлечению. Сараев много, они стоят сразу за домом во дворе, огороженном тенистыми тополями.

Разгар лета. Панкратов возле голубятни, загоревший, в одной майке и потёртых тренировочных штанах, на ногах сандалии, на голове простенькая тюбетейка без узоров. Он бережно берёт в руки одного чёрного птенца из гнезда, называет его Цыганком и подсаживает себе на плечо. Нажевав зерна, Панкратов подкармливает голубёнка прямо изо рта. Птенец жадно и смело подставляет к его лицу клюв за очередной порцией.

Тёплый осенний день. Панкратов в школьной форме залазит по лестнице на крышу сарая, шугает голубей и наблюдает за их полётом. Через какое-то время вся стая дружно опускаются на захват голубятни. Но один большой чёрный голубь, благодаря широким крыльям кажущийся в полёте явно крупнее других птиц, отделяется от стаи, подлетает к Панкратову и, как бы здороваясь с ним, опускается ему на плечо. Это Цыганок. Многие соседи по дому часто с умилением наблюдали за таким поведением юного хозяина голубятни и его пернатого друга. Знали они также, что голубку, мать Цыганка, поймал ястреб, и что мальчишка сам терпеливо вырастил птенца.

Демонстрация в центре города в честь праздника Великого Октября. Колонны школьных коллективов направляются к высокой монументальной трибуне с памятником Ленину напротив здания Горсовета. В одной из колонн идут Панкратов и Таня, красивая стройная девочка с вьющимися русыми волосами, выпадающими из-под плотной вязаной шапочки. На улице холодно, одеты все уже почти по-зимнему. Перед самой трибуной Панкратов, расстегнув тёплую куртку, достаёт Цыганка и передаёт его Тане, правильно вкладывая лапки голубя в её руки, между пальцев.

– Держи пока, а когда крикнут ура, бросай его вверх, – говорит он Тане.

С трибуны громко раздаётся: «Да здравствуют пионеры и школьники! Ура, товарищи!». И Таня под общее ликование одноклассников выпускает Цыганка из рук. Голубь, хлопая крыльями, устремляется в небо над людским потоком.

– А он точно домой вернётся? – спрашивает Таня.

– Конечно, – уверенно отвечает Панкратов. – Я его уже и дальше бросал.

– А когда он прилетит?

– Через полчаса или немного раньше. А был бы почтовый, минут за десять долетел.

Зимний вечер, морозно. Панкратов стоит перед музыкальной школой, постукивая носками ботинок о крыльцо. Открывается дверь и на пороге появляется Таня. В руках у неё большая папка с нотными тетрадями и скрипка в коричневом футляре.

– Пошли скорее, чтобы она не замёрзла, – говорит Таня.

– Подожди, дай завяжу, а то ты вперёд замёрзнешь, – останавливает Таню Панкратов и заботливо завязывает у неё под подбородком верёвочки от белой меховой шапки. Затем он берёт у Тани футляр, и они вместе то идут, то бегут по одной из улиц города.

Панкратов один дома.

Стук в дверь. И сразу без приглашения входит пожилая соседка по подъезду, заглядывает на кухню и спрашивает:

– А где мать?

– Папку встречать уехала.

– Из тюрьмы, что ли? – Панкратов в ответ утвердительно кивает головой. – Ну, теперь начнётся у вас. Как бы он сразу чего худого не наделал, такие на свободе жить не умеют. Ты, Санька, только пример с него не бери, – предостерегает соседка и уходит.

В квартиру заходят мать и отец Панкратова. Мать Панкратова – женщина по возрасту ближе годам к сорока, густые тёмные волосы, умный, доброжелательный взгляд, на щеках ямочки, когда улыбается. Панкратов с удивлением смотрит на то, во что одет отец – серая телогрейка, серая шапка, серые штаны, серые кирзовые сапоги. Отец, крепкого телосложения мужчина, молча поднимает сына на руки и прижимает к себе. В момент, когда отец обнял его, Панкратов с незнакомым до этого ощущением почувствовал щетину на небритом морщинистом отцовском лице и разглядел ещё у отца наколку на безымянном пальце левой руки – перстень с трефовым крестом.

Возле сарая в компании каких-то мужиков, пошатываясь, стоит пьяный отец Панкратова.

– Сейчас я вам его достану, – говорит он мужикам, подставляя лестницу к крыше сарая, на которой возвышается голубятня сына. Спускается он уже с Цыганком и на показ расправляет ему хвост и крылья. – Ну, где вы ещё такого найдёте, чистокровная бабочка, ящик столичной, и он ваш.

– А почему голубятня без замка? – удивляется один из мужиков.

– А зачем её закрывать, – с ухмылкой отвечает отец Панкратова. – Мне сами несут, а не тырят у меня. И ты, если скажу, сам принесёшь сюда всех своих птичек. И водки поставишь, сколько потребую.

Мужики в нерешительности о чём-то шушукаются между собой. По выражению их лиц видно, что они уже окончательно поняли, с кем связались, и что за тип предлагает им купить хорошего породистого голубя.

В это время, вернувшись из школы с полевой сумкой через плечо вместо портфеля, к сараю подбегает Панкратов.

– Отдай, это же мой голубь, – испуганно просит он отца.

– Да ты кто такой! – возмущается отец, и взгляд его и без того почти всегда угрожающий, становится откровенно свирепым. – Здесь всё моё.

– Ну, пожалуйста, папа, отпусти его, ему же больно.

Панкратов виснет на руках у отца и пытается освободить Цыганка.

– Пойдём мы, – говорит другой мужик в явном смятении от происходящего.

– Да на, забирай своё сокровище! – кричит пьяный отец и в ярости на глазах у сына, широко размахнувшись, с силой бросает Цыганка на снег. Голова птицы при этом остаётся у отца в сжатой ладони.

Панкратов замирает на мгновение, не веря в то, что произошло, и затем кидается к ещё трепещущему в агонии тельцу голубя.

Мужики быстро и молча уходят.

Утром на кухне протрезвевший отец, нервно погасив папиросу о край батареи, подходит к Панкратову, обнимает сына и просит прощения:

– Пьяный я был, ничего не помню. Сам же ещё сказал тебе, чтобы голубятню не закрывал больше. Может, замок и остановил бы меня. Чужих пацанов никогда не трогал, а тут своему подлость устроил. Всё водка эта проклятая. Ну прости ты меня. Если хочешь, у тебя самые лучшие голуби будут. А хочешь, я научу тебя драться, – после некоторой паузы продолжает отец. – Пока я жив, ни один фраер тебя пальцем не тронет. А потом сам себя защищай. В драке близко к себе никого не подпускай и бей первым ногами, ноги сильнее. А, сграбастают, зубами рви. Никого не жалей. Вокруг гниды одни, которых давить надо. Людей мало. Могу ещё в карты научить играть, и на гитаре. В жизни всё пригодиться может.

Панкратов по-детски плаксиво, вытирая глаза кулаком, всхлипывает и говорит:

– Такого, как Цыганок, больше не будет. Я его за сараем похоронил, только ямка неглубокая, снега много и земля мёрзлая. Недавно совсем мамка тебя привезла, а ты вон уже чего наделал. Никогда тебе этого не прощу.

Видно, что отец очень переживает, искренне раскаивается, но не знает, как ещё утешить сына.

– Кончай скулить, успокойся, – снова закурив, говорит отец. – Чтобы я твоих слёз больше не видел. – После этих слов в голосе отца послышались уже нотки повелительного осуждения. – Ты мой сын. А, значит, умный и сильный. Не забывай, чью фамилию носишь, и что она означает. Знаешь, как переводится по-русски имя Панкрат? Не знаешь. Вот узнай и соответствуй. Иначе, кто тебя уважать будет. Распустил нюни, как баба. Не простит он, видите ли. Не позорься и меня не позорь. Простишь, куда ты денешься. За всё простишь, и отца, и мать. Особенно мать. Попробуй только обидеть её когда-нибудь. Всё, забыли. Марш в туалет, вытри слёзы и высморкайся, как следует.

Глава 3.
Конец шестидесятых

Панкратов работает на заводе. Корпус громадного цеха. Шум станков, механизмов, отбойных молотков, подвесных кранов. Много рабочих, все заняты своими операциями. Панкратов заносит в мастерскую большой электродвигатель и ставит его на верстак, где уже стоят такие же двигатели, частично разобранные для ремонта. Мастер, пожилой мужчина в тёмно-синем халате, в очках, выговаривает Панкратову:

– Чего ты их на себе таскаешь, ты грузчик или электрик, тележка зачем тут у нас?

– Не ворчи, Петрович, – говорит Панкратов. – Так для тренировки надо.

– А вагоны на подъездных путях зачем раздвинул, весь цех удивил?

– Не верили, вот и раздвинул, они же пустые, хоть и товарные.

– А позвоночник не жалко?

– Так я же ногами, в один спиной упёрся, а другой толкнул.

– Тоже ещё, спортсмен, – продолжает ворчать мастер. – И каким спортом ты занимаешься, если не секрет?

– А мне некогда настоящим спортом заниматься, учиться надо.

– Вот это другое дело, – охотно соглашается Петрович. – Выучишься, энергетиком или начальником цеха станешь.

– А повыше нельзя? – шутит Панкратов.

– Куда ещё выше! – искренне удивляется Петрович. – Ты хотя бы мастером стань.

Та же мастерская электриков в цехе. Никто из присутствующих не работает. Один рабочий газету читает, другой булочку доедает, запивая кефиром, а мастер и ещё один рабочий за столом в шашки играют. Вдруг кто-то спрашивает:

– А где Панкрат, чего-то не видать его?

– Наверняка в подвале, – говорит Петрович. – Мало ему смены, так он ещё в обед железо ворочает.

Тот же цех. В одном из пролётов открытая дверь и лестница в подвальное помещение, где расположена общая раздевалка – душевые, умывальники, ряды шкафчиков для одежды. В дальнем отсеке на свободном пространстве Панкратов, стискивая зубы от напряжения, качает бицепсы, используя для этого тяжёлые металлические заготовки, принесённые им заранее специально для силовых упражнений.

Тихая городская улочка. В свете фонарей, поблёскивая, кружат редкие снежинки. Панкратов заходит в старое, построенное когда-то пленными немцами, трёхэтажное здание вечерней школы. Урок математики. Панкратов сидит в классной комнате за последним столом и делает вид, будто внимательно слушает учителя. Но сам при этом время от времени засыпает. И, чтобы голова не падала, подставляет под подбородок авторучку. Это видит сосед по столу, средних лет мужчина, который слегка толкает локтем Панкратова, чтобы тот не спал.

– Фу ты, чёрт, – зевая, жалуется Панкратов. – Ну не воспринимаю я эти синусы с косинусами. На литературе же не сплю вот или на истории.

– Да я и сам кое-как терплю, ничего не соображаю.

Весна. Панкратов дома, в той же квартире на первом этаже, ужинает за небольшим круглым столом в комнате.

– Опять ты так поздно вернулся, посмотри, уже одиннадцать, а в шесть вставать и на завод, – сокрушается мать Панкратова, волосы у которой уже с весьма заметной проседью. – Вымотала тебя эта школа, будь она не ладна, третий год уже. Хотя и без неё нельзя, я всё понимаю. Но жалко тебя, сынок.

– Ничего, мама, потом отдохну, – успокаивает Панкратов мать. – Через месяц закончу школу и сразу в юридический поступать буду. После занятий в институте подрабатывать буду, проживём как-нибудь. Высшее образование обязательно получить надо.

– А почему именно в юридический? – спрашивает мать.

– Потому что там дают такие знания, какие необходимы политику и государственному деятелю, – объясняет Панкратов.

– Неужели мой сын государственным деятелем решил стать? – удивляется мать.

– А почему нет. Вперёд и вверх, как говорится. Кто-то же, умный и сильный, должен управлять государством.

– Да уж, ты со своим характером так науправляешь, что все разбегутся, – ласково шутит мать. – А, если серьёзно, то для этого действительно грамотным человеком надо быть, разбираться во всём.

– Правильно, – соглашается Панкратов, неспроста же я это повесил. – И он кивает на прикреплённый над дверью в другую комнату лист бумаги со словами: «Два человеческих стремления – к знанию и могуществу поистине совпадают в одном и том же. Ф.Бэкон».

Поужинав, Панкратов расправляет постель и ложится спать.

– А когда ты последний раз Таню видел? – спрашивает мать через открытую дверь. – И где она учится?

– Перед новым годом, – отвечает Панкратов. – А учится она на первом курсе университета.

– И о чём вы договорились?

– Ни о чём. Я встретился с ней, хотел пригласить куда-нибудь, а она даже разговаривать со мной не стала, побрезговала. Конечно, кто я по сравнению с ней, – помолчав немного, говорит Панкратов. – Бывший ремесленник, пэтэушник. Она наверняка вообразила себе, что я так и останусь простым работягой.

– Странно, – произносит мать. – А что, хорошим рабочим быть позорно, что ли?

– Для неё позорно, – объясняет Панкратов. – А как же иначе. Отец у неё большой начальник, машина служебная. А мамаша вообще, похоже, никогда и нигде не работала.

– Всё одно, непонятно. Вы ведь так дружили в школе. Ты её всегда домой провожал, от хулиганов защищал.

– То школа, а это жизнь, – говорит Панкратов. – Теперь у неё другие защитники, очкарики какие-нибудь прыщавые, которых я одним плевком зашибу.

Слышно, как мать вздыхает и снова спрашивает:

– А она всё такая же красивая?

– Даже слишком, – засыпая, тихо бормочет Панкратов. – Всё равно никуда она не денется, от меня не уйдёшь, всему своё время.

– И не держи ты руки за спиной, когда идёшь по улице, – вдруг, помолчав минуту, сердито произносит мать. – Ты же не под конвоем. Сколько раз тебе говорить надо.

Солнечный майский день. Тот же сарай за домом Панкратова, та же голубятня, от захвата с сеткой на ней осталось несколько сломанных реек. Панкратов возле сарая отрабатывает приёмы рукопашного боя. Бьёт, чаще ногами, по висящему на стене старому матрасу, на котором начерчена фигура человека. Боевая стойка, удары и имитация ударов у Панкратова совсем не похожи на элементы спортивных единоборств. То, что и как он делает, больше похоже на драку, в которой с его стороны – расчётливая демонстрация агрессии и жестокости. Видно, как Панкратов сосредоточенно настраивается на схватку и с какой-то буйной остервенелостью нападает на воображаемого противника. С очень низкой стойки он бьёт нарисованного человека по туловищу, в горло – кулаком, ладонью, сжатыми и растопыренными пальцами, пинает его по ногам, в пах, в живот, хватает противника как бы за плечи и резко в прыжке бьёт головой. В

разной последовательности и в ошеломляющем темпе всё это действо повторяется несколько раз и заканчивается тем, что Панкратов срывает матрас со стены, перебрасывает через себя, высоко подпрыгивает и втаптывает его в землю.

Панкратов за своим письменным столом, закрывает и откладывает в сторону учебник истории СССР. Тут же ещё другие учебники, тетради. Панкратов встаёт из-за стола, выходит из комнаты, надевает кеды.

– На тренировку? – спрашивает мать.

– Как всегда, – говорит Панкратов. – Сегодня же суббота.

– А когда выпускные экзамены начинаются?

– На следующей неделе, – отвечает Панкратов и уходит.

Тёплый, светлый вечер. Старый, заросший, неухоженный сквер. На скамейке человек пять разновозрастных мужиков, не обращая внимания на прохожих, распивают спиртное, громко сквернословят, швыряют мусор в кусты.

– Привет, бичи позорные! – подойдя к пьяной компании, задиристо восклицает Панкратов. – Быстренько всё убрали за собой и сами убрались отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.